

В. Г. ЛЕБЕДЕВА,

декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии им. С. М. Кирова, кандидат исторических наук, доцент

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ ИЗ БУДУЩЕГО
(Ранняя массовая культура Европы
в диалоге «Россия–Запад» — вторая половина XIX в.)

XIX и XX вв. «генетически» неразделимы: многие явления, возникнув в одном столетии, получили дальнейшее развитие в следующем. Так произошло с феноменом массовой культуры. Процессы демократизации в пореформенной России привели к кардинальным изменениям во всех сферах общественной жизни. Очевидное отставание ряда секторов отечественного культурного производства от запросов новой, массовой публики привело к заполнению этих лакун продуктами молодой

массовой культуры Европы. Благодаря отсутствию международных правил регулирования межкультурного обмена уже во второй половине XIX в. остро встала проблема литературного и драматургического «пиратства».

В изменившихся исторических условиях возник целый комплекс обстоятельств, которые способствовали формированию нового взгляда «мыслящей России» на Европу и процессы, происходящие в ее социально-культурной сфере. Российские наблюдатели

наконец-то увидели «иную» Европу, ту, которая всегда оставалась в тени «книжной», событийной культуры с ее великими именами и эстетическими эталонами.

Контраст между «двумя Европами» был столь резким, что получил отражение в многочисленных описаниях очевидцев европейской жизни той поры. Новизна содержания «вестей издалека» так взбудоражила русское общество, что это потребовало адекватного ответа средств массовой коммуникации. На волне общественного интереса к жизни за рубежом М. М. Стасюлевич (редактор-издатель) в 1862 г. возобновил, в память столетия Н. М. Карамзина, основанный им в 1802 г. журнал «Вестник Европы». Открывая издание, редактор обозначил его основные задачи: освещение истории европейской цивилизации, ее современного развития, путевые заметки и впечатления, иностранные корреспонденты о Европе, обзоры иностранной литературы.

Франции по сложившейся традиции, а также благодаря ее ведущему положению в новейшей культуре, принадлежало особое место в диалоге культур России и Запада. Это обстоятельство предопределило выбор проблематики журнала и формирование круга постоянных авторов «Вестника Европы». По рекомендации «русского парижанина» И. С. Тургенева Стасюлевич заключил договор о постоянном сотрудничестве с Э. Золя. Редактор не связывал своего именитого корреспондента каким-либо кругом тем. Главное, чтобы российскому читателю был интересен взгляд на Францию «изнутри». С марта 1875 по 1880 г. (до кончины писателя) почти в каждом номере журнала публиковались его «Парижские письма».

Родоначальник «натурализма» в своем творчестве стремился «показать жизнь такой, какая она есть». Поэтому неслучайно в этих «письмах» так много материалов на темы литературного быта и массовой культуры. Писатель, обладавший обостренным ощущением «потока времени», выбирал для русских читателей самое примечательное с его точки зрения. Некоторые темы были подсказаны ему Тургеневым. Золя писал не только о том, что было актуальным в повседневной жизни парижан; не только о том, что считал значимым автор — писатель-«натуралист». В этом отборе тем сквозит предполагаемый им уровень и характер интересов русской аудитории, а также представления писателя о французской «экзотике» для людей иной культуры и ментальности.

Э. Золя рассказывал о модных формах досуга парижан: о скачках как массовом увлечении, когда к ипподрому устремляются тысячи людей всех сословий — от французского

аристократа и модной кокетки в роскошных экипажах до личностей непонятного рода занятий, идущих пешком; о морских купаниях (летом Париж пустеет — все, кто могут себе это позволить, отправляются к морю). Автор писем оперативно сообщал о последних французских модах (например о том, что и в мужской и в женской моде царит «шотландка» — новый тип ткани в клетку). Не обошел он и темы «модных поветрий» в развлекательной культуре: например «кафешантанной лихорадки», охватившей Париж. Особенно печалил его дух коммерции, проникающий всюду. В силу своей профессиональной принадлежности особое внимание он уделял пагубному влиянию рынка на литературный процесс. Он говорил о давлении массового спроса на литературное творчество и издержках гонорарной политики издателей. Золя отмечал наметившуюся тенденцию вытеснения аналитической публицистики, на смену которой пришли массивное наступление «чистой» информации и погоня за сенсацией. В новых условиях вырождение литературной критики как особой профессии, способствующей качественному росту литературы, приводило, по его мнению, к превращению ее в разновидность рекламной деятельности.

Особые связи Золя с русским читателем обеспечили громкий успех в России его роману «Нана». «Нанаизм» стал первой литературной «эпидемией» в нашей стране. Не без влияния талантливого пера писателя широко распространился миф о прекрасном Париже — столице современной культуры, где причудливо переплелись высокое и низкое, элитарное и массовое, возвышенное и земное. «Увидеть Париж и умереть!» — формула мечты обывателей, возникшая тогда и не потерявшая актуальности и сегодня.

Вторая половина XIX столетия — время ускоренной интернационализации процессов в экономике и науке, технике и образовании, в быту и повседневной культуре. С одной стороны, продолжалось традиционное приобщение россиян к достижениям элитарной культуры Европы, а с другой — с энергией неопита заимствовались «последнее слово» массовой культуры. Скорость усвоения ее «образцов» была поразительной. Уже в середине века кафешантаны, варьете, оперетта стали невероятно популярными в России. В течение нескольких десятилетий в досуговую культуру страны вошли канкан, танец апашей, танго. На рубеже веков эта пестрая интернациональная смесь пополнилась мюзик-холлом, пришедшим из Англии.

Обиходная культура России во второй половине XIX в. стремительно менялась. Характер и механизм этих трансформаций

кардинально отличался от преобразований петровской эпохи. Если Петр Великий провел «сверху» реформу повседневной культуры, решительно «европеизировав» ее, то теперь в условиях ускоренного развития рыночных механизмов в культуре и ослабления вмешательства государства очередной этап «европеизации» повседневности происходил естественным образом и высокими темпами, движимый не столько государственной волей, сколько коммерческим чутьем предпринимателя. Несопоставимо более широким был теперь не только диапазон культурного обмена (он впервые стал всесторонним), но и социальная база новой «европеизации», в которой равноправной участницей стала молодая массовая культура.

Стало очевидно, что системное преодоление цивилизационного отставания через многогранный диалог России и Запада с неизбежностью содержит компонент массовой культуры как его органической составляющей. Ускорение общественных процессов через заимствование чужого опыта — один из универсальных механизмов социально-культурного прогресса. Но включение этого механизма в сфере массовой культуры вызывало у многих российских интеллигентов серьезные опасения угрозы фундаментальным основаниям национальной культуры.

Встреча с ранней массовой культурой в России произошла в тот знаменательный момент, когда русская культура и культурология впервые в истории были готовы заговорить на равных с самыми развитыми странами мира. Но к такому диалогу не была готова Европа с ее традиционным европоцентризмом и самодостаточностью. Действительное

осознание на Западе «культурного взрыва» в России произошло лишь в следующем столетии. Например, когда А. И. Герцен задумал издание журнала для французов о России, эта идея не встретила во Франции заинтересованности, и проект не был реализован. Слишком долго диалог наших культур был более похож на монолог с одной стороны и жадное заимствование новаций с другой. Открытие европейскими учеными самостоятельной мысли в России совпало по времени с возникновением русского «антиевроцентризма». Важнейшим толчком для формирования этого неприятия европейского опыта явились издержки «обуржуазивания» в культуре Европы.

Сложную эволюцию восприятия в России Запада и его неоднозначного опыта в новейшей истории констатировал знаток России П. Леруа-Болье, опубликовавший во французской печати путевые заметки о русских впечатлениях. Он писал: «В начале царствования Николая Первого, как и в XVIII столетии, европейская цивилизация была для образованных русских религиею... Русская молодежь верила с большею горячностью, чем сами европейцы, в просвещение и свободные учреждения запада... В половине нашего столетия в русских понятиях совершился внезапный и решительнейший переворот. Рассмотрев ближе ту цивилизацию, от которой русский человек ожидал спасения, и познакомившись с ее недостатками, слыша, как ее отрицали и проклинали многие из тех, кто пользовались ее плодами и были ею вскормлены, русский человек начал в ней сомневаться... Русский второй половины XIX века отказался от культа своего детства, как от младенческого суеверия».